УДК 398.324
ББК 82.3 (2Рос=Рус)

Леший в рассказах жителей заводских поселений Республики Коми (на материалах XXI в.)

Полина Александровна Истомина
(Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН:
Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

Аннотация. *В статье рассматриваются рассказы, записанные от населения заводских поселений (Нювчим, Нючпас, Кажым) Республики Коми. Раскрываются система мифологических представлений о лешем, а также связанные с ним мотивы. Анализ материалов показывает, что представления о лешем в местных культурах схожи с представлениями о лесном духе в севернорусской традиции. Он по преимуществу имеет антропоморфный вид, реже — зооморфный/нулеморфный, может быть представлен также как стихийное явление (сильный ветер, вихрь). В рассматриваемых материалах круг сюжетов о хозяине леса значительно сужен, в частности, отсутствуют такие тематические циклы, как договорные отношения лешего с охотником, похищение лешим детей и др. В представлениях заводских жителей леший выполняет ряд основных функций: охранительную (выступает как хозяин леса, следит за соблюдением порядка в лесу, наказывает за нарушение лесного этикета), попечительскую (уберегает от опасности, помогает при сборе ягод, грибов, в охоте), злокозненную (водит по лесу, пугает, мешает ночевать в лесной избушке). В номинациях лешего информантами нередко используются уменьшительно-ласкательные суффиксы и термины родства с целью подчеркнуть уважительное отношение к лесному духу, а также заручиться его покровительством.*

Ключевые слова: *мифология, леший, локальные традиции, заводские поселения, Республика Коми.*

Работа выполнена в рамках плановой темы НИР «Фольклор народов Европейского Севера России в контексте этнокультурного взаимодействия» (2026–2030) (рег. № 126020216214-3).

Дата поступления статьи: 25 мая 2026 г.

Дата публикации: 25 сентября 2026 г.

Для цитирования: *Истомина П. А.* Леший в рассказах жителей заводских поселений Республики Коми (на материалах XXI в.) // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 3. С. 68–80.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.3.005

Интерес исследователей к такому мифологическому персонажу, как леший, до настоящего времени не теряет своей актуальности. Так, Э. В. Померанцева отмечает, что в конце XVIII — начале XIX в. «авторы трудов, посвященных мифологии славян, не только упоминают лешего как одного из наиболее распространенных образов “древнего баснословия”, но указывают и на общность представлений об этом славянском демонологическом существе с мифологическими образами других народов» [Померанцева 1975, 28]. Сведения о лешем в различных аспектах рассматриваются в трудах С. В. Максимова, А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, С. А. Токарева, Э. В. Померанцевой, Н. А. Криничной, Е. Е. Левкиевской, М. Н. Власовой и др. Существуют различные точки зрения на происхождение образа лешего. Например, С. А. Токарев предполагает, что образ создан славянином-земледельцем, для которого лес представлялся как враждебная стихия, опасный локус, в котором можно заблудиться и погибнуть [Токарев 2012, 81]. Э. В. Померанцева предполагает, что в наибольшей степени «вероятно появление культа хозяина леса у охотников» [Померанцева 1975, 30]. Исследователем отмечается сложность антропоморфного образа лешего, который объединяет в себе «элементы разных культов» [Там же, 29]. Н. А. Криничная пишет о том, что, хотя при снятии позднейших наслоений и обнаруживается, что «леший довольно часто уподобляется хвойным деревьям» [Криничная 2004, 250], тем не менее «в дошедшей до нас традиции преобладает антропоморфный образ лешего» [Там же, 258]. Развернутая система идентификации, описания и сравнения мифологического персонажа представлена в работе Л. Н. Виноградовой, С. М. Толстой [Виноградова, Толстая 1994, 16–44]. При рассмотрении образа лешего мы опираемся на предложенную исследователями систему: название мифологического персонажа, генезис, внешний облик, атрибуты, локусы обитания, функции, мотивы и пр. Схема описания мифологических персонажей, разработанная Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой, гораздо шире. Мы остановимся лишь на ее ключевых параметрах.

Историческая справка. На сегодняшний день исследователями охвачены разные аспекты изучения заводских поселений: материальная, праздничная и календарная культуры, обряды, исторические нарративы и т. д. Работы Г. С. Масловой, Т. В. Станюкович, А. В. Черных, А. В. Вострокнутова, Г. Н. Чагина, Ю. А. Крашенинниковой, С. Г. Низовцевой позволяют глубже понять культуру и историю таких поселений.

Предметом нашего рассмотрения являются русские традиции заводских поселений Кажым, Нючпас (Койгородский р-н) и Нювчим (Сыктывдинский р-н), образование которых на территории Республики Коми (далее — РК) связано с открытием железорудных промыслов в 1756–1760-х гг. Первоначально основное население промыслов составили обученные заводскому мастерству государственные крестьяне Вятской, Вологодской, Костромской губерний, на работы принимались беглые крестьяне, укрывающиеся от рекрутчины и уплаты податей, на неквалифицированных работах были заняты вольнонаемные работники из близлежащих коми селений [Крашенинникова 2017, 133]. «В связи с преобладанием населения из севернорусских губерний европейской части России в поселениях формируется фольклорная культура, основой которой становятся традиции тех мест, откуда происходят заводчане. Специфический характер поселений (заводские поселки с “градообразующим” предприятием), функционирование заводов до первой трети (пос. Кажым, Нючпас) и конца (пос. Нювчим) XX в., неоднородный состав русского населения, контакты с местным коми населением, приток вербованного контингента и спецпереселенцев из разных мест России в XX в. — эти и другие факторы оказали влияние на формирование местной фольклорной культуры и в какой-то мере обусловили структуру фольклорных традиций» [Крашенинникова 2025, 21–22].

Заводские поселения Нювчим, Нючпас, Кажым не были объектом комплексного

фольклорного изучения вплоть до начала 2000-х гг. Первые исследования связаны с именем этномузыковеда П. И. Чисталева, который осуществил в конце 1950 — начале 1960-х гг. отдельные полевые выезды в поселки для записи песен разных жанров. Фиксация прозаических жанров и других сведений, связанных с духовной культурой, не проводилась, существующие лакуны стали активно восполнять фольклористы в начале XXI в. [Крашенинникова 2021, 341–342]. Как и в любой традиции, в заводских поселениях одни жанры функционируют активно, другие представлены эпизодически или вовсе исчезают: записан большой пласт по исторической прозе, устные рассказы о заводе, выпускаемой продукции, в меньшей степени фиксируются предания и легенды, практически отсутствует сказочная традиция.

За время полевых исследований (2008–2024) был собран обширный материал по мифологической прозе. Широкое распространение получили устные рассказы о колдунах, менее популярны нарративы о домовом и ходячем покойнике, наиболее скудные сведения зафиксированы о персонажах лесного и водного пространства, чёрте[1]. Схожую картину наблюдают исследователи на примере фольклорной традиции заводского поселения Урала — с. Курашим Пермского края [Традиционная культура 2021]. Далее обратимся непосредственно к подробному рассмотрению рассказов о лешем в русских заводских традициях Республики Коми.

Генезис и время. По некоторым представлениям леший происходит «из проклятых людей, некрещеных или обмененных детей», в результате связи женщины с нечистой силой, а также «из “нечистых” покойников (рус., украинцы Поволжья)» [Левкиевская 2004, 105]. По версии легенды, имеющей книжную основу, в лешего «превратились сброшенные с неба ангелы, которые упали в леса» [Там же]. В рассматриваемых материалах сведений о происхождении лешего не зафиксировано. Время появления лешего разнообразно: встреча с ним может происходить как в дневное время суток, так и ночью. В рассказах заводчан отсутствуют мотивы активизации лесного духа и взаимодействия с ним в сакральные даты и религиозные праздники[2].

Номинации. Леший — мифологический персонаж, который, согласно верованиям восточных славян, является хозяином леса, покровителем лесных зверей и птиц [Левкиевская 2004, 104]. В устных рассказах заводского населения у лешего могут быть следующие номинации: *леший, лесной, лесной человек, лесовик, лешак*. Кроме них зафиксированы названия лесного духа с задабривающей семантикой, усиливающейся «за счет суффиксов субъективной оценки» [Гранова 2021б, 147]: *старичок-лесовичок, лесовичок, дедушко, дедушка лесной, дедушко леший*. Одной из составляющих комплекса магических действий по расположению к себе духа является кумление, вербальными средствами которого «выступают термины родства, т. е. человек обозначает демона как своего родственника» [Там же]. Зафиксирован единичный пример, когда леший воспринимается не как конкретный мифологический персонаж, а как обезличенная лесная сверхъестественная сила, которую называют *дубравушкой* (AI 26 «Леший не любит шума в лесу» [Айвазян 1975, 170])[3]: «*Раньше вот люди, сторожка, стреляли, на дичь ходили, печ-*

[1] На сегодняшний день опубликованы работы, посвященные колдунам и некоторым персонажам низшей демонологии, см.: [Шахматская 2015; Шахматская 2015а; Истомина 2025] и др.

[2] В славянской народной традиции существуют поверья, что в канун Иванова дня (6 июля) можно увидеть лешего и заключить с ним договор; в Воздвиженье (27 сентября) люди боялись ходить в лес из-за сборища леших, после Воздвиженья лешие до весны уходят зимовать под землю [Власова 1998, 291].

[3] Здесь и ниже мы опираемся на «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» В. П. Зиновьева [Зиновьев 1987] и «Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» С. Г. Айвазян [Айвазян 1975].

ка и всё там была. Ну и мы когда-то молодые, не я, брат да такие ребята собрались там, да, и песни пели. А дубравушка не полюбила, что песни. Вдруг раздался ветер, вихрь! И все деревья на эту повалились, на этот, на избушку. Они выбежали, ночью прибежали домой. А потом мама говорит: "Никогда, говорит, песни в лесу не пойте, дубравушка не любит песни в лесу!" <Соб.: В лесу надо тихо себя вести?> *Ну, нормально, да»* (Зап. от НВГ, 1938 г. р., п. Кажым. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2017 г.) [Отчет 2019. Л. 51][4].

В лексике жителей п. Нючпас слово «лешак» нередко используется в контексте выражения недовольства/раздражения кем/чем-либо (*«Ой, лешак, уронил ведь»* — когда что-то упадет), в попытке что-либо вспомнить (*«Если первый праздник вот будёт, <…>, ой леший, как он?»* (Зап. от ГНМ, 1928 г. р., п. Нючпас. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2011 г.)) [Отчет 2014. Л. 31], в качестве оценки и выражения эмоции (*«лешак-от какой баской»* — какой красивый). Номинация «леший» фиксируется в прозвищах заводских жителей (по внешнему сходству) (*«Леший у нас был в соседях. Его звали Леший.* <Соб.: Соседа звали леший?> *Да.* <Соб.: А почему так звали?> *Он в литейном цехе был заливальщиком, у него была такая борода»* (Зап. от ГИС, 1939 г. р., п. Нювчим. Соб. П. А. Истомина. 2024 г.)) [Отчет 2026. Л. 150]), а также в высказываниях с фразеологическими оборотами (*«А, леший попутал, леший попутал. Ну, например, что-то не ладно стало, туда-сюда и леший попутал. Вот такие выражения, да»* (Зап. от ВАС, 1962 г. р., п. Нювчим. Соб. П. А. Истомина. 2024 г.)) [Отчет 2026. Л. 162].

Итак, рассмотрение названий лесного духа показало, что леший в представлениях информантов — это хозяин «чужого» пространства, поэтому к нему требуется определенный подход. Использование перечисленных выше номинаций служит частью ритуальной практики, направленной на то, чтобы оградить человека от вредоносного воздействия лешего, расположить его к себе, заручиться поддержкой лесного духа. Информанты используют термины родства и слова с суффиксами субъективной оценки, которые подчеркивают почтительное, иногда даже ласковое отношение к хозяину леса. Таким образом, языковые средства служат инструментом выстраивания отношений человека с мифологическим персонажем.

Локусы. В рассказах заводского населения встреча с хозяином леса происходит в самом лесу, на лесной дороге, в лесной избушке, на мосту, в зарослях озера. В лесном пространстве существуют определенные места, в которых человек начинает плутать, испытывать чувство тревоги и страха — в этих локусах может происходить встреча человека с нечистой силой. Чаще всего это лесные дороги, тропы, болота, озера, овраги и т. п. В народной традиции указанные места принято называть «нечистыми», «нехорошими»[5]. Дорога представляет собой «ритуально и сакрально значимый локус, имеющий многозначную семантику и функции» [Левкиевская 1999, 124]. Это граница между «своим» и «чужим» пространством, место, служащее «для удаления вредных и опасных объектов (насекомых, сорняков, болезней и пр.), для совершения лечебных продуцирующих и вредоносных магических действий», а также точка, «где проявляется судьба, доля, удача человека при встречах с людьми, животными и демонами» [Там же]. Согласно народным представлениям, ходить по тропе лешего, пересекать ее, лежать на ней, а также строить на ней охотничью избушку считается опасным для человека. Например, расположившегося на ночлег охотника леший может попросить сдвинуться с дороги, увести путника в глубь леса, заставить

[4] Материалы обработаны, частично расшифрованы и представлены в отчетах, которые хранятся в Научном архиве ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН» (далее — НА Коми НЦ).

[5] На тему «нечистых» мест см. исследования: [Теребихин 1993; Щепанская 2003; Петров 2015], др.

человека ходить по кругу в определенном радиусе лесного пространства [Криничная 2004, 302]. В материалах, записанных от заводского населения, зафиксированы единичные тексты о тропе лешего. Так, люди не могли ночевать в лесной избушке, потому что она была построена на тропе лешего (AI 6A «Леший пугает ночующих на тропе» [Зиновьев 1987, 306]) (в полночь поднимался сильный ветер, строение начинало сильно шататься)[6]. В приведенном нарративе такое место наделено двойной негативной семантикой (тропа лешего + место, где совершено самоубийство), активизация лесного духа происходит в полночь: *«В одном месте, значит, лес заготавливали тоже, <…> была избушка. И в этой избушке, значит, почему-то как-то её Самаркина избушка звали, чё она. Говорили, что как будто девушка там повесилась. <…> И вот мужики, т. е. ребята там, значит, ночуют, и как двенадцать часов подходит ночи, этот, такой ветер подымается, что деревья почти что клонит! И вот и избушка ходуном ходит, это, шатается. И потом всё пройдёт какой-то там час или ещё, всё стихло, как будто ничё и не было. <…> И потом всё-таки эту избушку ребята* <оставили>. *Никто не стал спать, так страшно было, потому что дедушко сам леший там её, почему не любит или что. Хочет эту избушку оттуда.* <Соб.: Себе забрать?> *Да, может, у него тоже как будто трасса есть, у дедушки, где он ходит. Да, у него тоже, на пути что есть, надо уходить оттуда или что-то убирать»* (Зап. от ДНШ, 1932 г. р., п. Кажым. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2013 г.) [Отчет 2015. Л. 117–118].

Существуют различные способы, обеспечивающие спокойное пребывание людей, решивших заночевать в лесной избушке. Для того чтобы «в избушке *не пугало*, совершали ряд символических действий, упорядочивающих ее внутреннее пространство» [Щепанская 2003, 347]. В частности, испугавшись каких-либо проявлений нечистой силы (непонятные звуки, шаги, крики птицы), необходимо было перекреститься, начать ругаться матом, воткнуть топор в порог дома, нарисовать углем над входом и окном кресты [Там же]. Информанты не упоминают конкретных способов защиты, которые люди используют во время ночевки в лесном строении, зафиксированы лишь косвенные указания на превентивные меры. Леший не любит, когда в избушке громко поют песни, выражаются нецензурными словами, распивают алкоголь, поэтому для спокойного пребывания в доме следует соблюдать определенные нормы поведения в лесу.

Портрет и функции. Н. А. Криничная облик лешего подразделяет на следующие виды: зооморфный, фитоморфный, орнитоморфный, антропоморфный и смешанный (зооантропоморфный, фитоантропоморфный) [Криничная 2004, 250–264]. Исследователь отмечает, что достаточно часто в мифологических рассказах леший «уподобляется хвойным деревьям», может принимать облик куста, пня, леса [Там же, 250]. Преобладает же антропоморфный образ лешего, который отличается от обычного человека гиперболическими признаками, например огромным ростом [Там же, 258]. В народной традиции сформировался и другой тип лешего, который ничем не отличается от обычного человека и нередко похож на знакомого или родственника [Там же, 259].

Анализ наших материалов позволяет отметить ряд особенностей, связанных с внешним обликом лешего. В заводских традициях антропоморфный тип является доминирующим. В рассказах информантов зафиксирован мотив *«леший показывается человеку в образе мужчины / знакомого / местного жителя»* (AI 1а «Леший показывается людям в образе простого человека», AI 1г «Леший показывается людям в образе родственника или знакомого» [Зиновьев 1987, 305]). Через некоторое время человек узнает о том,

[6] Мотив «тропа/дорога/переход лешего» фиксируется также в материалах Кировской и Архангельской обл. [Вятский фольклор 1996, 35–36; Мифологические рассказы 1996, 30].

что встретившийся ему в лесу мужчина в этот день никуда не ходил. Данный сюжет является одним из распространенных в севернорусской традиции [Криничная 2004, 259], фиксируется в Кировской, Архангельской, Вологодской областях[7].

В представлениях рассказчиков леший может иметь и нулеморфный облик: лесной дух обозначает себя только с помощью акустических проявлений (лесного шума, треска деревьев, уханья). Так, записан рассказ о том, что информант не видел лешего, но отчетливо ощущал его присутствие (AI 6 «Леший пугает людей в лесу свистом (пением, окриком, появлением ветра, необычного света» [Зиновьев 1987, 306]), например: «*Пацаны ещё, мы пошли за грибам за белым. А чё мы, всё это балуемся, туда-сюда, свистим всё, да. И начали деревья даже этот, худенькие эти ронять. И вот потом слышим, что со стороны посёлка, значит, голос, значит, как зухается. Зухает: "У-у-у!". <…> Мы сейчас сразу, значит, на это место, где он шёл, посмотрели. Там след где, ухты, какие, значит, пройдёны! <…> Мы сейчас, значит, все сколько есть мочи, значит, да, побежали домой, все это…*» (Зап. от ДНШ, 1932 г. р., п. Кажым. Соб. А. Н. Рассыхаев, В. Б. Липин, П. А. Шахматская. 2010 г.) [Отчет 2013. Л. 143].

Как справедливо отмечает Л. Н. Виноградова, акустическое поведение лешего в лесном пространстве служит напоминанием человеку о том, кто здесь «хозяин», выступает способом выражения недовольства лешего чем-либо. По словам исследователя, «…звуковое поведение этого персонажа подтверждает одну из основных функций — поддразнить вступившего в его владения человека, посмеяться над его бессилием перед "хозяином" леса» [Виноградова 2000, 126–127].

В нарративах заводчан леший чаще всего представлен в образе высокого человека, реже — мохнатого существа. Встреча с ним нежелательна, как правило, такой контакт вызывает у человека страх. Так, записан сюжет о том, как брат информанта во время сбора грибов случайно увидел глаза лешего, после чего быстро убежал из леса. Образ лешего может быть амбивалентен и в некоторых рассказах представлен как положительный: он следит за порядком, наказывает за ненадлежащее поведение в лесу; его недоброжелательность является реакцией на нарушение лесного этикета. Например: (AI 14к «Леший служит человеку, предупреждает об опасности: отгоняет с места, на которое падает дерево» [Зиновьев 1987, 306]) «<Соб.: Как надо себя правильно вести в лесу?> *А вот не надо ни свистеть, <…> валить деревья не надо эти, он не любит, когда валят.* <Соб.: Сухостой?> *Сухостой, да, да. Мы тоже сами-то ничё не понимали. Дак сухостоину вот ты её шатнёшь, а макушка обламывается сухая и тебе по голове, бах! Вот ничё ведь не понимали. Может, он и отводит, чтобы не валили этот* <сухостой>, *дедушко-то леший*» (Зап. от ДНШ, 1932 г. р., п. Кажым. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2013 г.) [Отчет 2015. Л. 117].

Анализ материалов выявил следующие предписания и запреты при взаимодействии с лешим: запрещается свистеть в лесу, громко шуметь, валить засохшие деревья, так как они могут упасть на человека и придавить его (здесь прослеживается беспокойство хозяина леса за жизнь и здоровье человека). Для того чтобы не заблудиться в лесу, лешего принято задабривать — оставлять ему на пне угощение (печенье, конфеты, чай и др.). Кроме того, местные жители, перед тем как зайти в лес, здороваются с ним и просят о хорошем сборе грибов и ягод, а возвращаясь из леса, кланяются и произносят слова благодарности: «*Или вот ягоды соберём, мы обязательно там сахарок оставим или конфетку оставим: "Спасибо, мол, тебе!"* <Соб.: Это лешему?> *Ну, наверно, кому-то отдаём.* <Соб.: А где оставляли?> *Да так просто, положили да и на любую кучку*» (Зап. от ЕГВ, 1965 г. р., п. Нювчим. Соб. П. А. Истомина. 2024 г.) [Отчет 2026. Л. 123]. Зафиксированы свидетельства

[7] Например, см.: [Вятский фольклор 1996, 39–40; Мифологические рассказы 2009, 47].

о магических практиках охотников. В частности, перед началом охоты они оставляют лешему на пне часть еды, которую берут с собой и обращаются к лесному духу с просьбой о помощи в охоте: «*Дедушко леший, помоги нам на охоте!*»; «*Помоги нам поохотиться!*» (Зап. от ДНШ, 1932 г. р., п. Кажым. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2013 г.) [Отчет 2015. Л. 118].

Всего о лешем было записано более 30 разных по содержанию и объему рассказов от информантов 1930–1970-х г. р. В местных традициях мифологическая проза о лешем представлена следующими мотивами: «леший пугает человека в лесу» (п. Кажым, Нювчим, Нючпас), «леший водит человека» (п. Кажым, Нювчим, Нючпас), «леший рыбачит» (п. Кажым), «леший пугает людей, заночевавших на его тропе» (п. Кажым), «леший похищает старуху / медицинскую сестру, чтобы та приняла роды у лешачихи» (п. Кажым, Нючпас), «леший показывается человеку в образе мужчины / местного жителя и предлагает покурить» (п. Нючпас), «леший не любит шума в лесу» (п. Кажым, Нювчим), «леший предупреждает об опасности: отгоняет от места, на которое может упасть сухое дерево» (п. Кажым).

Несмотря на то что в рассказах заводских жителей леший часто предстает в образе человека, в нарративах приводятся признаки, указывающие на демоническую природу данного персонажа: он высокого роста, знает имя встретившегося ему на пути человека, на руках надеты большие рукавицы, когда хлопает руками, лес начинает сильно шуметь. Леший себя обозначает с помощью сильного ветра, шума деревьев и самого леса: «*деревья только шатаются*»; «*ветер такой подымается*»; «*лес зашумел*»; «*шум такой в лесу стал*»; «*А у него рукавицы такие, хлопал, хлопал, а лес зашумел, зашумел. Он как улетел*» (Зап. от ЛНК, 1931 г. р., п. Нючпас. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2013 г.) [Отчет 2015. Л. 18].

Интерес представляет рассказ, по сюжету которого леший похищает женщину-повитуху, чтобы та приняла роды у лешачихи (AI 31 «Старуха принимает роды у лешачихи» [Айвазян 1975, 170]). За это он дарит повитухе зеленый шелк и просит об этом никому не говорить. Женщина нарушает запрет и рассказывает о случившемся людям, и подаренный шелк превращается в зеленую траву[8]. Зеленый цвет, по наблюдениям О. В. Беловой, служит маркером «чужого» пространства, где обитает нечистая сила, «характеризует персонажей народной демонологии» [Белова 1999, 305–306]. Таким образом, в тексте зеленый шелк / зеленая трава являются характерными атрибутами лешего. Важной деталью одежды лесного духа служат рукавицы и лапти большего размера, например: «*На дорогу выскочили и посмотрели. Ну-ко, говорит, что, след посмотрели у него. След вот такой в лаптях.* <Соб.: Сантиметров 40–50?> *Да*» (Зап. от ДНШ, 1932 г. р., п. Кажым. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2013 г.) [Отчет 2015. Л. 117]. К атрибутам лешего может относиться и рыболовная удочка. Так, зафиксирован сюжет, как одна старушка видела у озера лешего, который занимался рыбной ловлей: «*Сидит, уда, значит, у него как деревинка тонкая, целую деревинку, и удит. Только, говорит, удилище свистит.* <…> *Это, говорит, дедушко сидел удил*» (Зап. от ДНШ, 1932 г. р., п. Кажым. Соб. А. Н. Рассыхаев, В. Б. Липин, П. А. Шахматская. 2010 г.) [Отчет 2013. Л. 143].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствие более ранних записей не позволяет сделать какие-либо выводы с точки зрения диахронических изменений, оценить степень популярности тех или иных мотивов и сюжетов о лешем в мест-

[8] По словам Н. А. Криничной, побывавшие у лешего люди «напоминают обмиравших», чьи видения о посещении иного мира схожи с рассказами похищенных людей. В их сообщениях отсутствуют подробные сведения об увиденном в потустороннем мире, визитерами соблюдаются определенные запреты [Криничная 2004, 318].

ных культурах. Анализ современных материалов показывает, что представления о лешем в заводских традициях схожи с представлениями о лесном духе севернорусской и общерусской традиций. У лешего чаще всего антропоморфный вид (высокий человек, местный житель, знакомый), реже — зооморфный/нулеморфный, лесной дух также может быть представлен как стихийное явление (сильный ветер, вихрь). В наших материалах круг сюжетов о хозяине леса значительно сужен. В заводской прозе отсутствуют мотивы, получившие широкое распространение в других севернорусских традициях, такие как, например, сезонная активность хозяина леса, договорные отношения лешего с охотником / пастухом[9], похищение лешим детей и др. Налицо двойственное отношение заводчан к лешему: его опасаются, но признают лесным хозяином, который следит за порядком, предостерегает человека об опасности. Леший сохраняет «за собой рудиментарные признаки предка-родоначальника» [Криничная 2004, 319], подтверждением этого можно считать использование информантами уменьшительно-ласкательных суффиксов и терминов родства в номинациях лешего и в текстах-обращениях с целью подчеркнуть уважительное к нему отношение, сделать «“чужого”, каким является демон для людей, “своим”» [Гранова 2021а, 24] для защиты от потенциального вредоносного воздействия лесного духа и чтобы заручиться его покровительством. В представлениях заводских жителей леший выполняет несколько ключевых функций: охранительная (леший выступает как хозяин леса, следит за соблюдением порядка в лесу, наказывает за нарушение лесного этикета), попечительская (уберегает от опасности, помогает при сборе ягод, грибов, в охоте), злокозненная (водит по лесу, пугает, не дает переночевать в лесной избушке).

Фольклорная культура заводских поселений формировалась русскими переселенцами в условиях иноэтничного (коми) окружения. На рассматриваемом материале сложно говорить о влиянии коми традиции на заводские культуры, хотя очевидны некоторые параллели, например, коми охотники также обращались к лесному духу с просьбой об удачной охоте, оставляли для него на пне еду, табак [Кудряшова 1979, 33]. В заводских традициях отсутствуют коми наименования лесного духа[10], зафиксированные нами сюжеты и мотивы встречаются и в русской, и в коми традициях[11]. Справедливо высказывание В. М. Кудряшовой: «Большинство коми текстов о лешем имеют аналогии в русской несказочной прозе иногда настолько близкие, что трудно установить случаи ли это типологического совпадения или заимствование» [Кудряшова 1979, 38].

Итак, анализ материалов показывает, что крестьянские представления о лешем продолжают бытовать в заводских культурах, хоть и в сильно редуцированном виде. В среде заводчан сохранились те сюжеты и мотивы, которые были актуальны в конкретных условиях. В частности, заводские поселения изначально находились вблизи крупных лесных массивов, и деятельность местных жителей во многом была зависима от них (вырубка деревьев, заготовка

[9] Касаясь пастушьей тематики, отметим, что в заводских поселениях практиковался свободный выпас скота. Пастушество не было развито, так как вся деятельность поселков была сфокусирована на производственных задачах, связанных с работой заводов. Этим можно объяснить отсутствие сюжетов о договорных отношениях лешего с пастухом в местных традициях. Сюжеты о договорных отношениях лешего с охотниками также не зафиксированы. Возможно, они со временем были утрачены.

[10] Так, повсеместно лешего у коми принято называть «вӧрса», в Прилузском и Койгородском р-нах — «вӧр пӧль», «вӧр пӧльӧ» (лесной дедушка), в Удорском и Ижемском – «ягса, якса» (леший) и т. д. [Кудряшова 1979, 32].

[11] Мотив договора охотника с лешим, отсутствующий в заводских традициях, достаточно распространен у коми. Это представление «является не локальным, а восходит, очевидно, к общерусскому и известно стало коми через русский фольклор» [Кудряшова 1979, 38–39].

дров, работа в лесу при изготовлении угля, охота). На сохранность традиционных верований повлияли различные факторы, среди которых прежде всего смена поколений, изменение условий жизни, уровень образования, влияние СМИ.

Источники и материалы

Айвазян 1975 — *Айвазян С. Г.* Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–182.

Вятский фольклор 1996 — Вятский фольклор. Мифология / Изд. подгот. А. А. Иванова. Котельнич, 1996.

Зиновьев 1987 — *Зиновьев В. П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987.

Мифологические рассказы 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

Мифологические рассказы 2009 — Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009.

НА Коми НЦ — Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Отчет 2013 — *Крашенинникова Ю. А., Рассыхаев А. Н., Шахматская П. А.* Отчет о полевых исследованиях в Прилузском и Койгородском р-нах РК в 2010 г. Сыктывкар, 2013 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. 184 л.

Отчет 2014 — *Лобанова Л. С., Низовцева С. Г., Рассыхаев А. Н.* Отчет о полевых исследованиях фольклорных экспедиций в п. Нючпас Койгородского р-на и п. Нювчим Сыктывдинского р-на РК в 2011 г. Сыктывкар, 2014 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 804. 92 л.

Отчет 2015 — *Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г., Шахматская П. А.* Отчет о полевых исследованиях фольклорно-этнографической экспедиции в Койгородском р-не РК в 2013 г. Сыктывкар, 2015 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 828. 244 л.

Отчет 2019 — *Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г., Истомина П. А.* Отчет о полевых исследованиях фольклорной экспедиции в п. Нючпас и Кажым Койгородского р-на РК в 2017 г. Сыктывкар, 2019 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 896. 174 л.

Отчет 2026 — *Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г., Истомина П. А.* Отчет об экспедиционном исследовании фольклорной культуры п. Нювчим Сыктывдинского р-на РК в 2024 г. Сыктывкар, 2026 // НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 960. 168 л.

Токарев 2012 — *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века / Отв. ред. С. И. Ковалев. 2-е изд. М: Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2012. (Академия фундаментальных исследований: этнология).

Исследования

Белова 1999 — *Белова О. В.* Зеленый цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 305–306.

Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).

Виноградова, Толстая 1994 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 16–44.

Власова 1998 — *Власова М.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998.

Гранова 2021а — *Гранова М. А.* Имена лешего в русских мифологических текстах Пермского края: семантический, структурный и функциональный аспекты // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 4. С. 19–29.

Гранова 2021б — *Гранова М. А.* Номинации домового и банника в ареальном аспекте (по данным русских мифологических текстов Пермского края) // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 140–150.

Истомина 2025 — *Истомина П. А.* Колдунья и колдун в представлениях жителей русских заводских поселков Республики Коми // STUDIA JUVENALIA (SJ): Сб. ст. молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 4 / Под ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. С. 127–141.

Крашенинникова 2017 — *Крашенинникова Ю. А.* История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках и механизмах формирования фольклорного репертуара) // Че-

ловек и событие в исторической памяти / Отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар: Центр оперативной полиграфии, 2017. С. 132–147.

Крашенинникова 2021 — *Крашенинникова Ю. А.* Троицкий обряд «Похороны березки» в заводском поселении Кажым Республики Коми (наблюдения над обрядом в синхронии и диахронии) // Наука о фольклоре в XX веке: традиция и метод: Матер. науч. чтений, посв. 125-летию П. Г. Богатырева / Сост. и науч. ред. С. В. Алпатов, С. П. Сорокина, Л. В. Фадеева (отв. ред.). М.: ГИИ, 2021. С. 341–354.

Крашенинникова 2025 — *Крашенинникова Ю. А.* Введение. К вопросу о формировании фольклорных традиций заводских поселений Нювчим, Кажым, Нючпас // Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г. Календарная культура русского населения заводских поселений Республики Коми / Отв. ред. Т. А. Золотова. Екатеринбург: УрО РАН, 2025. С. 7–36.

Криничная 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004.

Кудряшова 1979 — *Кудряшова В. М.* Образ лешего в коми устной несказочной прозе // Межнациональные связи коми фольклора и литературы. Сыктывкар, 1979. С. 31–42. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР).

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Дорога // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 124–129.

Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Леший // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 104–109.

Петров 2015 — *Петров Д. Д.* «Нечистые места» в сакральном ландшафте Русского Севера (по материалам Лешуконского, Мезенского и Пинежского районов Архангельской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 141–150.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975.

Теребихин 1993 — *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Изд-во Помор. пед. ун-та, 1993.

Традиционная культура 2021 — Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: Матер. и исследования: Кол. монография / А. В. Черных (отв. ред.), И. И. Русинова, Ю. А. Кашаева и др. СПб.: Маматов, 2021. (Фольклорный архив. Пермский край).

Шахматская 2015а — *Шахматская П. А.* Суеверная проза о домовом: обзор современных полевых материалов из Койгородского района Республики Коми // STUDIA JUVENALIA (SJ): Сб. ст. молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2015. С. 84–95.

Шахматская 2015б — *Шахматская П. А.* Суеверная проза о «ходячих» покойниках (на материалах современных записей из Койгородского района Республики Коми) // Рябининские чтения-2015: Матер. VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 430–433.

Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

© П. А. Истомина, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Истомина П. А. https://orcid.org/0009-0007-6727-8233
Младший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: Российская Федерация, Республика Коми, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 20-17-02; e-mail: ms.polina1989@mail.ru

The Leshii in the Narratives of Residents of Mining and Metallurgical Settlements in the Komi Republic (Based on Twenty-First Century Materials)

Polina A. Istomina

(Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Division, Russian Academy of Sciences: 26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation)

Summary. *This article examines stories recorded from the population of mining and metallurgical settlements in the Komi Republic (Nyuvchim, Nyuchpas, and Kazhym villages). The narratives reveal a system of mythological representations of the Leshii (forest spirit), as well as related motifs. Analysis shows that the local culture's ideas about the Leshii are similar to those about the spirit in the North Russian tradition. The Leshii is mostly anthropomorphic, less often zoomorphic/nullomorphic, and can also be represented as a natural phenomenon (e.g., a strong wind or whirlwind). In the materials under consideration, the range of stories about the forest spirit is significantly reduced; in particular, thematic cycles such as the Leshii's contractual relationship with the hunter and Leshii's abduction of children are absent. According to the inhabitants of the settlements, the Leshii fulfills a number of roles: protective (he acts as the forest's guardian, ensures order and punishes violations of forest etiquette); benevolent (he protects people from danger and helps with gathering berries and mushrooms, as well as with hunting); and mischievous (he leads people astray in the forest, frightens them, and prevents them from spending the night in a forest hut). When referring to the Leshii, informants often use diminutive and affectionate suffixes and terms of kinship to emphasize their respectful attitude toward the spirit and to secure its protection.*

Key words: *mythology, Leshii, local traditions, population of mining and metallurgical settlements, Komi Republic.*

Acknowledgements. *This work was carried out as part of the planned research project "Folklore of the Peoples of the European North of Russia in the Context of Ethnocultural Interaction" (2026–2030) (reg. No. 126020216214-3).*

Recieved: May 25, 2016.

Date of publication: September 25, 2026.

For citation: Istomina P. A. The Leshii in the Narratives of Residents of Mining and Metallurgical Settlements in the Komi Republic (Based on Twenty-First Century Materials). *Traditional Culture.* 2026. Vol. 27. No. 3. Pp. 68–80. In Russian.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.3.005

References

Belova O. V. (1999) Zelenyi tsvet [The Green Color]. In: Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. In 5 vols. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 305–306. In Russian.

Chernykh A. V., Rusinova I. I., Kashayeva Yu. A. etc. (comp.) (2021) Traditsionnaya kul'tura russkikh zavodskikh poselenii Urala: Kurashimskii zavod: materialy i issledovaniya: kollektivnaya monografiya [The Traditional Culture of Russian Factory Settlements in the Urals: The Kurashimskii Zavod: Materials and Research: A Collective Monograph]. St. Petersburg: Mamatov. (Fol'klornyy arkhiv. Permskii krai [Folklore Archive. Perm Region]). In Russian.

Granova M. A. (2021a) Imena leshego v russkikh mifologicheskikh tekstakh Permskogo kraya: semanticheskii, strukturnyi i funktsional'nyi aspekty [The Names of the Leshii in Russian Mythological Texts of the Perm Region: Semantic, Structural and Functional Aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. 2021. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 19–29. In Russian.

Granova M. A. (2021b) Nominatsii domovogo i bannika v areal'nom aspekte (po dannym russkikh mifologicheskikh tekstov Permskogo kraya) [The Nominations of the Brownie and the

Bannik in the Areal Aspect (Based on Russian Mythological Texts from the Perm Region)]. In: *Sotsio- i psikholingvisticheskiye issledovaniya* [Socio- and Psycholinguistic Research]. Iss. 9. Pp. 140–150. In Russian.

Istomina P. A. (2025) Koldun'ya i koldun v predstavleniyakh zhitelei russkikh zavodskikh poselkov Respubliki Komi [The Witch and the Sorcerer in the Representations of Residents of Russian of Mining and Metallurgical Settlements of the Komi Republic]. In: STUDIA JUVENALIA (SJ): sb. st. molodykh uchenykh Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN [Collection of Articles by Young Scholars of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Ed. by I. L. Zherebtsov. Iss. 4. Syktyvkar: FITs Komi NTs UrO RAN. Pp. 127–141. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2017) Istoriya gornozavodskikh poselenii Respubliki Komi v mestnoi ustnoi proze (k voprosu ob istochnikakh i mekhanizmakh formirovaniya fol'klornogo repertuara) [The History of Mining Settlements of the Komi Republic in Local Oral Prose (On the Issue of the Sources and Mechanisms of Forming a Repertoire of Folklore)]. In: Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamyati [Man and Event in Historical Memory]. Ed. by Yu. A. Krasheninnikova. Syktyvkar: Tsentr operativnoi poligrafii. Pp. 132–147. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2021) Troitskii obryad «Pokhorony berezki» v zavodskom poselenii Kazhym Respubliki Komi (nablyudeniya nad obryadom v sinkhronii i diakhronii) [The Trinity Rite "Birch Tree Funeral" in the Mining and Metallurgical Settlement of Kazhym, Komi Republic (Observations on the Rite in Synchrony and Diachrony)]. In: Nauka o fol'klore v XX veke: traditsiya i metod. Materialy nauchnykh chtenii, posvyashchennykh 125-letiyu P. G. Bogatyreva [The Science of Folklore in the Twentieth Century: Tradition and Method. Materials of Scholarly Readings Dedicated to the 125th Anniversary of P. G. Bogatyrev]. Comp. by S. V. Alpatov, S. P. Sorokina, L. V. Fadeeva. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniya. Pp. 341–354. In Russian.

Krasheninnikova Yu. A. (2025) Vvedenie. K voprosu o formirovanii fol'klornykh traditsii zavodskikh poselenii Nyuvchim, Kazhym, Nyuchpas [Introduction. On the Formation of Folklore Traditions of the Mining Settlements of Nyuvchim, Kazhym, Nyuchpas]. In: Krasheninnikova Yu. A., Nizovtseva S. G. Kalendarnaya kul'tura russkogo naseleniya zavodskikh poselenii Respubliki Komi [Calendar Culture of the Russian Population of Mining Settlements of the Komi Republic]. Ed. by T. A. Zolotova. Yekaterinburg: UrO RAN. Pp. 7–36. In Russian.

Krinichnaya N. A. (2004) Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora [Russian Mythology: The World of Folklore Images]. Moscow: Akademicheskii Proyekt; Gaudeamus. In Russian.

Kudryashova V. M. (1979) Obraz leshego v komi ustnoi neskazochnoi proze [The Image of a Leshii in Komi Oral Non-Fairytale Prose]. In: Mezhnatsional'nye svyazi komi fol'klora i literatury [Interethnic Relations of Komi Folklore and Literature]. Ser. «Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi filiala AN SSS». Syktyvkar. Pp. 31–42. In Russian.

Levkievskaya E. E. (1999) Doroga [Road]. In: Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoi. In 5 vols. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 124–129. In Russian.

Levkievskaya E. E. (2004) Leshii [Leshii]. In: Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 104–109. In Russian.

Petrov D. D. (2015) «Nechistye mesta» v sakral'nom landshafte Russkogo Severa (po materialam Leshukonskogo, Mezenskogo i Pinezhskogo raionov Arkhangel'skoi oblasti) ["Unholy Places" in the Sacred Landscape of the Russian North (Based on the Materials of the Leshukonskii, Mezenskii, and Pinezhsii Districts of the Arkhangelsk Region)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography]. 2015. No. 2. Pp. 141–150. In Russian.

Pomerantseva E. V. (1975) Mifologicheskiye personazhi v russkom fol'klore [Mythological Characters in Russian Folklore]. Moscow: Nauka. In Russian.

Shakhmatskaya P. A. (2015a) Suevernaya proza o domovom: obzor sovremennykh polevykh materialov iz Koigorodskogo raiona Respubliki Komi [Superstitious Prose About a Brownie: A Review of Modern Field Materials from the Koigorodskii District of the Komi Republic]. In: STUDIA JUVENALIA (SJ). Sb. st. molodykh uchenykh Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN [Collection of Articles by Young Scholars of the Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN. Pp. 84–95. In Russian.

Shakhmatskaya P. A. (2015b) Suyevernaya proza o «khodyachikh» pokoinikakh (na materialakh sovremennykh zapisei iz Koigorodskogo raiona Respubliki Komi) [Superstitious Prose about the "Walking" Dead (Based on Modern Records from the Koigorodskii District of the Komi Republic)]. In: Ryabininskie chteniya – 2015 g. Materialy VII konferentsii po izucheniyu i aktualizatsii kul'turnogo naslediya Russkogo Severa [Ryabinin Readings – 2015. Proceedings of the VII Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North]. Petrozavodsk. Pp. 430–433. In Russian.

Shchepanskaya T. B. (2003) Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv. [The Culture of the Road in the Russian Mythological and Ritual Tradition of the Nineteenth-Twentieth Centuries] Moscow: Indrik. In Russian.

Terebikhin N. M. (1993) Sakral'naya geografiya Russkogo Severa: (Religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoi kul'tury) [Sacred Geography of the Russian North: (The Religious and Mythological Space of North Russian Culture)]. Arkhangelsk: Izd-vo Pomor. ped. un-ta. In Russian.

Vinogradova L. N. (2000) Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan [Folk Demonology and the Mytho-Ritual Tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik. In Russian.

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. (1994) K probleme identifikatsii i sravneniya personazhei slavyanskoi mifologii [On the Problem of Identification and Comparison of Characters of Slavic Mythology]. In: Slavyanskii i balkanskii fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual [Slavic and Balkan Folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow: Nauka. Pp. 16–44. In Russian.

Vlasova M. (1998) Russkie suyeveriya: Entsiklopedicheskii slovar' [Russian Superstitions: Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Azbuka. In Russian.

Zinov'yev V. P. (1987) Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri [Mythological Stories of the Russian Population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

© P. A. Istomina, 2026

ABOUT THE AUTHOR

Polina A. Istomina https://orcid.org/0009-0007-6727-8233
E-mail: ms.polina1989@mail.ru
Tel.: +7 (8212) 20-17-02
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation
Junior Researcher, Folklore Sector, Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)